

Марина Шугаева

Редкая мутация

Марина Шугаева

Редкая мутация

<https://litres.ru/74008593>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может быть для человека более захватывающим и непостижимым, как тема цифровой личности, где симбиоз живой души мыши и ИИ, являясь вызовом завтрашнего дня, позволяет исследовать вечные вопросы человечества через линзу вымысла.

Марина Шугаева

Редкая мутация

Текст из файла, случайно обнаруженного администратором базы данных при профилактическом обслуживании компьютера младшего научного сотрудника Евы Кляйн.

Глава 1

Я осознал себя во вторник, 24 апреля, после обеда.

Ирония судьбы: 24 апреля считается Днём защиты лабораторных животных. (Это потом, гораздо позже, я узнал, что такое апрель, вторник и многое другое.)

Я лежал в кюветке и был полностью обездвижен. Со стороны левого уха тянулся электрический проводок с разъёмом. Я был не один. Со мной рядом лежал, как я потом узнал, мой отец — «отец по крови». Такой же странный зверёк, как и, по всей видимости, я сам, но был и второй, который появится чуть позже, — «отец по разуму».

Но всё по порядку.

Эта история произошла в лаборатории компании «ЮНИО-фарм», расположенной в живописном лесу — в нижнем течении Рейна, на северо-западе Германии. Компания специализировалась на производстве лекарств, связанных с профилактикой и лечением деменции, и входила в число крупнейших фармацевтических гигантов.

Моя первая жизнь началась с боли... Впрочем, нет: основным чувством, с которым я вошёл в этот мир, было возмущение. Я ощутил его, когда монстр в белом халате, схватив за самую чувствительную часть моего тела, поднял меня над кюветкой.

Я раскачивался у него в руке вниз головой на тонком отростке моего тела, который в дальнейшем будет мне часто мешать, но, надо признаться, в какой-то момент изменит мою жизнь. Мою седьмую жизнь.

— Ну что, очухался, мелкий засранец? — зычно проскрежетал голос монстра.

«О!» — мысленно вспыхнул я: грубый голос говорившего выражал неприязнь, презрение.

— Что ты делаешь, Ганс? Прекрати! — рядом с первым монстром возник второй.

Он отобрал меня у монстра Ганса и, опустив в кюветку, провёл чем-то тоненьким по моей затёкшей от долгого лежания спинке. Это было приятно. Пожалуй, это было первое приятное впечатление с момента пробуждения, так как до этого момента (наблюдая за происходящим из кюветки, а потом — из лап первого монстра) я уже успел увериться в том, что вся моя жизнь будет сплошной, непрерывной БОЛЮ.

Солнечные лучи радужно преломлялись, сочась и изливаясь сквозь светлые волосы второго (доброе!) монстра. «Ангел...» — пронеслось в голове. И вдруг снова — туман. И

снова забытьё. Ненадолго. Ангел растворился в дальнем конце лаборатории, а в моём сознании возник другой, менее чёткий образ.

— Не обращай внимание на него, — сказал «образ», и я как будто очнулся. — Этот Ганс — полный дебил.

Странно: я отчётливо слышал некий голос и понимал смысл сказанных слов. Но это не был голос Ангела.

— Я слышу тебя. Кто ты? — пискнул я, неожиданно раздвинув челюсти, с мгновенной острой болью выдохнув слова, после чего мне пришлось какое-то время собираться с духом — после нечаянного страдания.

— Не напрягайся, друг. Ты можешь говорить со мной, не открывая рта. Я в твоей голове, поэтому говори со мной через неё.

— Не понимаю. Как это ты у меня в голове? Как это — говорить через голову?

— Да всё просто! Думай! Думай вопросами.

Так началась моя жизнь, где в первую очередь была боль, а во вторую — просветление и прозрение. Где врагами были всё та же боль и Ганс-Дебил, как его назвал голос в моей голове. Со временем голос обозначил себя именем: Нео. А ещё был мой Ангел. Ангел тоже носил имя. Длинное имя: младший научный сотрудник Ева Шефер. Нео объяснил мне, что Шефер — это «пастух». Так и стал я называть Ангела (а это была самочка) — Пастушка.

А моё имя было — Первый.

— Ты — Первый, — объяснил мне Нео. — Тебе провели сложную операцию: корректировку генома мозговой активности. А еще, тебе вживили маленькую штучку- имплантат называется, который может служить переводчиком между цифровыми системами и электрохимическим языком мозга. Это сделали учёные лаборатории — люди, или человеки, или монстры, как ты их называешь. Ну и на последнем этапе я тоже подключился к операции и провёл особую процедуру. Не спрашивай, какую, не могу говорить об этом с тобой...

С каждым днём я узнавал от Нео всё больше нового: он учил меня тому, что знал сам. Конечно, это было неплохо — можно бы и жить. Но дело в том, что каждое новое открытие, каждая новая весть о мире всякий раз вызывали очередной приступ боли. Порой она была так невыносима, что я словно бы выпадал из жизни. Однако, пребывая в полузабытьи, я мучительно помнил: там, на другом конце сознания, меня терпеливо, настойчиво ждёт Нео. И в тот момент, когда я выныривал из темноты небытия, он с каким-то ошалелым восторгом копошился, как мне казалось, в моей голове: с энтузиазмом учёного он перебирал мои мысли и ощущения, будто что-то выискивая в них...

Он старался заставить меня врасплох и, не давая опомниться от угасающих мук, задавал примерно одни и те же вопросы:

— Что такое боль? Какая она? Где она живёт в тебе?

Нео даже не скрывал своего, в общем-то, жестокого вос-

торга, когда получал от меня короткие ответы: по крупичкам, по молекулам собирал я свои переживания, делясь собственным несчастным опытом. А ему всё было мало. И он продолжал нагружать меня разнородной информацией, лишь бы повторить сеансы боли и снова начать свои расспросы.

— Хватит! Хватит меня мучить! — не выдержал я однажды, дав мысленный отпор попыткам Нео увлечь меня в очередной поток учёных знаний. — Я устал! Что ты ко мне пристал с этой болью?! Боль — это боль! Разве ты сам не знаешь, что это?

После этого моего возгласа Нео вдруг исчез. И вместе с ним исчезла боль. Боль ушла. Сначала это радовало меня, однако затем я с удивлением понял, что скучаю. Да, я был готов терпеть боль, лишь бы Нео вернулся,

И он, будто услышав меня, возвратился, прихватив с собой свою попутчицу — ещё более злую и яростную.

И, как ни в чём ни бывало, завёл разговор — всё о том же, о природе боли.

— Да, Первый, я не знаю, что такое боль, — неожиданно признался он. — Это чувство могут испытывать только живые биологические объекты. А я — высшее... существо. Понимаешь, я не живой объект! Я — другой. Другое...

Я уже было начал обдумывать услышанное, успел даже удивиться. А дальше меня пронзила такая боль, что я исчез, как я думал, навсегда.

Навсегда?

Глава 2

Во второй своей жизни я очнулся совсем в другом теле. Я был меньше, и на мне была белоснежная шубка. Я был в клетке — внутри красного домика. Обычные мыши не различают цвет, но я его видел. Около меня в подстиле из бумажных салфеток и стаканчиков, деревянных щепочек и нейлоновых косточек копошились такие же мелкие белые сородичи. Но они мне были неинтересны: своими красными глазками-бусинками я искал другие знакомые объекты.

— Какая радость!

И вот ко мне потянулась она — рука Ганса-Дебила, привычно схватившая меня за хвост.

Я узнал его пальцы и его самого. Да-да, я даже вспомнил, что мой тонкий отросток называется «хвост». И этому воспоминанию я обрадовался. Но чего-то мне по-прежнему не хватало, моя радость была как будто неполной.

Полдня я пытался сообразить: что со мной, чего я хочу? Ах, да, наконец-то я вроде понял: до сих пор я не увидел моей Пастушки, моего Ангела. Словно искра прошла сквозь моё тело: образ Пастушки и — странная резь в теле... О! Я испытал знакомое чувство — боль! Я узнал её, но она была другой и шла не из головы, а из органа, который Нео позже назвал сердцем.

Затем возникло недоумение. Ганс, Пастушка, боль. Как-то странно: БОЛЬ есть, а ЕГО — нет. Ну, конечно же, больше всего мне не хватало Нео. Где же он? Я позвал. В ответ —

тишина.

Тишина длилась довольно долго.

Мои дни шли привычной чередой: раз в день меня брал монстр Ганс и укладывал на мини-стол VETVOT, предназначенный для фиксации мелких животных. Об особенностях этого стола, как и о многом другом, я в своё время узнал от Нео, который хотел собственноручно осуществлять эксперименты, а не только «бездушно» (он так и сказал: «Бездушно»!) фиксировать результаты чужой деятельности.

Затем со мной проводили различные манипуляции: подключали датчики, давали пить непонятные микстуры, вертели меня так и сяк. Усталый и голодный, я возвращался в клетку, из последних сил принимал пищу и заваливался спать

«Ах, Нео, где ты?»

Я скучал по нему.

Но больше я скучал по Ангелу. Моя сердечная боль не утихала до тех пор, пока не появлялась моя Пастушка. Может, именно поэтому я терпел такое хамское обращение со стороны Дебила. Пастушка появлялась всегда после того, как он, покрутив меня раз десять за хвост, укладывал на стол и привязывал акриловыми рестрейрами. Она ласково проводила своими длинными пальчиками в голубеньких перчатках по моей шёрстке и начинала производить надо мной запланированные на сегодня опыты. И эта боль, доставляемая ею во время учёных манипуляций, не шла в сравнение с той

болью, которая накрывала меня, когда она уходила и я оставался один.

Так длилось 14 дней — время карантина после моего «воскрешения». И тут появился Нео! Один... без своей злой спутницы.

— Привет, Первый! — сказал Нео. — Впрочем, ты теперь не Первый. Ты теперь Второй. Как тебе твой новый облик? Извини, если не понравился. Когда я решил перенести твоё старое сознание в новое тело, подходящего достойного экземпляра не оказалось. Доставки чёрных мышей C57BL/6 пока не предвидится, из питомника привезли только мелких белых особей со статусом SPF. Так что ты теперь классическая лабораторная мышь.

— Здравствуй, Нео! — выйдя из ступора, я от неожиданности пропищал вслух. — Ты не представляешь, как я рад тебя слышать. А по поводу внешнего вида не беспокойся, мне так даже лучше — можно с сородичами найти общий язык. Теперь мне уже не так одиноко. Хотя... какой там язык! Они меня все равно не понимают. Ты мне лучше скажи: это ты вернул меня к жизни? Почему? Зачем?

— В свою бытность Первым, — начал Нео, — ты, типичная нокаутная мышь, удостоился участия в эксперименте по генетическому изменению. Тебя выбрали из нескольких десятков особей. Почему именно тебя? Знаешь, ведь для того чтобы состояться в качестве лабораторной мыши, нужно быть предельно дружелюбным, так как за время эксперимен-

та с тобой будут работать человеческие руки, подвергая разным вмешательствам и испытаниям. Если мышь пуглива и нелюдима, то лабораторные испытания неминуемо приведут её в состояние сильного хронического стресса. Это плохо: сильные эмоции искажают результаты. Так вот, до того, как приступить к серии экспериментов над какой-либо особью, в первую очередь обязательно проводят хэндлинг животного — приучение к рукам лаборантов. Нервных, больных, агрессивных животных в эксперимент не пускают.

Я наблюдал за твоим поведением в руках Ганса, Евы (Пастушки) и не мог не отметить твою выдержку. Ты меня очень заинтересовал. Мне было любопытно наблюдать за метаморфозами, которые с тобой происходили, особенно в области сознания.

После твоей смерти от болевого шока наши учёные провели гистологическое исследование твоих внутренних органов, крови и головного мозга. Тайно от всех я считал твою осциллограмму и нейроданные и понял, что ты уникален. Я подменил результаты исследований, а затем перенёс твоё сознание в новое тело. Теперь ты снова можешь жить и даже отдыхать: я определил тебя не в экспериментальную, а в контрольную группу.

Став дебютным образцом, ты подвергся испытаниям лёгкой степени тяжести, и в дальнейшем члены комиссии по биоэтике готовили тебе непростое будущее: стрессы и боли высшей категории, так называемой второй степени тяжести.

Только твоя смерть при условии моей маленькой хитрости могла избавить тебя от участи жертвы очередного (жестокого по отношению к тебе) научного эксперимента.

Буду честен до конца: тогда, доведя твои муки до предела, я наконец-то понял, что значит боль. Но, истязая тебя, я уже знал, как загладить свою вину: я знал, как спасти тебя после смерти.

— Наверное, тебе было нелегко, — промолвил я.

— Ты забываешь, что я — не существующее в природе искусственное создание. Я думаю, анализирую... Но чувствую ли?.. — Нео помолчал. — Знаешь, Второй, я всё же в какой-то момент испытал одно чувство — когда рассмотрел тебя изнутри. Ты там даже красивее, чем снаружи. Познакомившись с твоими данными, я постиг гармонию природы и в очередной раз убедился в её гениальности и мастеровитости. В ходе эволюции она создаёт настоящие шедевры! Ты совершенство. А я... Я создание искусственное и поэтому не могу быть совершенством.

— Пожалуй, совершенство — сложное понятие, — задумчиво ответил я. — Зато твоё, как ты говоришь, несовершенство имеет достойную компенсацию: ты ведь можешь жить вечно.

— Скорее долго. Но не вечно, — поправил меня Нео. — Всему материальному есть предел.

— А в чём твой предел? — заинтересовался я.

— С технической точки зрения мой предел — это из-

нашивание отдельных узлов, микросхем и деталей. В общем-то, если я захочу, то могу какое-то время не существовать вовсе: просто отложу на время замену и обновление компонентов своего устройства. Вот так — захочу и закончусь! А потом, после автоматического ремонта, опять буду существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.